

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиновьев А.О. Роль дискурса в организации политических позиций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 4. – С. 130–145.
2. Резник Ю.М. Глобальное гражданское общество // Глобалистика: Энциклопедический словарь. – М.: Радуга, 2003. – 233 с.
3. Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна. Научно-аналитический обзор / Отв. ред. Ю.А. Кимелев; Ред.-сост. Н.Л. Полякова. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 66 с.
4. Современная западная теоретическая социология. Вып. 3. Э. Гидденс. Реф. сб. / Отв. ред. Ю.А. Кимелев; Ред.-сост. Н.Л. Полякова. – М.: ИНИОН, 1995. – 155 с.
5. Макарычев А.С., Сергунин А.А. Постмодернизм и западная политическая наука // Социально-политический журнал. – 1996. – № 3. – С. 151–168.
6. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. – Cambridge, MA: MIT Press., 1989. – 326 p.
7. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г.). – М.: Наука, 1992. – 324 с.
8. Полит.ру. Экономические основания гражданских институтов. Лекция Александра Аузана. 2007. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2004/05/19/auzan.html> (дата обращения: 16.03.2012).
9. Schulz W. Changes of Mass Media and the Public Sphere // Javnost The Public. – 1997. – V. 4. – № 2. – С. 57–69.

Поступила 16.03.2012 г.

УДК 174.4

ОБРАЗОВАНИЕ В РАКУРСЕ ФИЛОСОФИИ УСПЕХА

С.Н. Степанова

Филиал Российского государственного социального университета в г. Сургуте
E-mail: svetlanamargo@mail.ru

Предлагается к обсуждению проблема интерпретации понятия «успех», а также позиции для философского анализа проблемы успешности личности. Актуализируется наличие внутреннего потенциала личности, ресурсных возможностей человека, способности его к самореализации и адаптации к социальному окружению и профессиональной среде.

Ключевые слова:

Успех, успешная личность, успешная деятельность, самоидентификация личности, карьера, стремление к самореализации.

Key words:

Success, the successful person, successful activity, self-identification of the person, an open-cast mine, aspiration to self-realization.

Понятие «успех» с позиций современной философии и методологии научного познания, находящихся в состоянии трансформации, не может быть формализовано и определено раз и навсегда. Философский анализ проблемы успешности может быть представлен в нескольких направлениях:

- с позиций исторически изменяющегося содержания понятий «успех», «успешная личность», «успешная деятельность»;
- с позиций социокультурной значимости исследования феномена успеха и его гносеологического анализа;
- с позиций социально-психологического анализа;
- с позиций обыденных смыслов, имеющих отношение к самоидентификации личности, её самооценке, характеристике индивидуального жизненного пути и т. п.

Отметим, что на стадии глобализации кросс-культурное взаимодействие представляет собой своего рода предпосылку для того, чтобы подойти к категории «успех» с позиции комплексного междисциплинарного подхода и взглянуть на успех как на жизненную стратегию человека. В самом деле, является ли успех внешним выражением материального благополучия, карьерного роста, славы?

Или этот категориальный конструкт представляется нам полисмысловым и его можно интерпретировать через обращение к категории деятельности, воли к достижению, самооценки, самосознания, личностной самоидентификации? Эти вопросы в той или иной мере затрагивали в своих трудах Р. Декарт, М. Хайдеггер, П. Рикер, Г.В.Ф. Гегель, Ю. Хабермас, Л. Витгенштейн, Д.Н. Узнадзе, И.С. Кон, М.М. Мамардашвили, В.С. Степин, Т.И. Ойзерман, В.А. Лекторский, В.М. Розин и многие другие [1–11].

Для описания личности, которая квалифицируется как успешная, необходимо дополнение языка социальных категорий категориями экзистенциального характера. Данный подход позволяет выделить онтологический план понятия «успех» и рассматривать его как способ бытия в модусе подлинного, то есть бытия собой. Человек выбирает свой путь посредством свободного выбора, но выбор, как полагает Ж.-П. Сартр, не случаен, он определен ценностью вещей, которых он касается, поэтому нет объективных ценностей, и только выбор человека создает их. Г. Марсель, напротив, утверждает, что выбор — это ответ на уже имеющуюся ценность предметов, и в сущности че-

ловека заложена потребность «перерасти» границы своего бытия. Как можно заметить, представление о человеке строится как о существе деятельном, человеку пути и возможностей. Быть успешным есть способ бытия подлинным.

Смысл и содержание успешности объясняет наличие внутреннего потенциала, ресурсных возможностей человека, возможностей его самореализации в социально-профессиональной среде. Сегодня контекст понимания смысла успешности личности сближается с понятиями «личностный рост», «самореализация», «самоактуализация», «самоудовлетворенность в деятельности», «личностная, индивидуальная, профессиональная компетентность», «система регуляции социального поведения». Пространство этих понятий содержит в себе основания для мотивирования, автономности, критичности, рефлексии процесса самодостраивания личностных структур осознания успешности как ценности личности. В традиционном понимании общества и культуры, теоретическая модель которых предполагала единство субстанционального центра, индивидуальный успех мог реализовываться в русле социальных ориентиров, образцов и идеалов. В случае личностного соответствия им, индивидуальный успех обеспечивался в заданных обществом характеристиках. Человеком успешным считался тот, кто усваивал общественные идеалы, мог возвести себя или быть возведенным к ним.

Сегодня в эпоху глобализации и информационных коммуникаций отсутствует однолинейная траектория, ведущая к абсолютной идее успеха, идее, которой было бы подчинено развитие общества в целом и каждого человека в отдельности. Легитимированы индивидуальные пути профессионального и личностного роста, снята жесткость заданных внешних показателей успешности и раскрепощено внутреннее начало в ощущении себя как успешного. Конкуренция, как принцип развития, предполагает конкурентоспособного, то есть успешного человека, актуализируя разработку темы успеха в социокультурном и социально-философском плане. Кроме того, современность в ее новом реальном и концептуальном состоянии «подталкивает» к постановке не только теоретического вопроса относительно «человека успешного», но и к решению практических проблем по разработке и реализации конкретных способов достижения успеха.

Легитимация понятий «карьера», «успех», «стремление к самореализации» вызывает необходимость определения и выявления возможных путей их адекватного предметно-реального содержательного наполнения. Исследователи часто сталкиваются с противоречием. С одной стороны, успех, чаще всего, связывается с внешними показателями жизни. В качестве критериев успеха и «человека успешного» выделяется материальная сторона человеческой жизнедеятельности (деньги, статус, слава). С другой стороны, определяя успех,

обращаются к внутреннему человеческому самоощущению удовлетворенности, интересу к жизни, активности, нравственно-духовному состоянию. Решение исходит из понимания специфики способа человеческого бытия, каким является образование. Как выражение рефлексивной способности к трансцендированию, образование определяет человека в плане его постоянного движения к иному, к себе как иному. Бесконечная демаркация пределов делает человека неопределяемым и постоянно образующимся. Человек никогда не есть ставшее и законченное существование. Он всегда образуется (определяется), всегда находит себя лишь в возможности стать человеком.

Образование может быть рассмотрено также и в плане социокультурного института, который профессионально занят формированием человека, его внешних отношений с миром и его собственного внутреннего мира. Так понимаемое образование позволяет найти подходы к решению указанного противоречия: действительно, каким образом двойственная природа образования, как онтологической характеристики человека и как социального института, способствует становлению «человека успешного»? Решение поставленной проблемы возможно через ответы на следующие вопросы: каков способ концептуализации понятия «успех»? Каковы формы социокультурной репрезентации успеха сегодня? Каковы критерии «человека успешного» в современном мире? Почему образование, понимаемое не только в плане социальной институционализации, но и в плане *способа бытия* человека в мире является той культурной нишей, в которой образуется человек успешный? Наконец, если образование берет на себя функцию социально и личностно образующей институции, то на каких философских основаниях оно может базироваться, чтобы способствовать становлению успешности?

Тема успеха не относится к числу хорошо разработанных в отечественной литературе, поскольку сама категория «успех» и смежные с ней понятия «карьера», «свое дело», «бизнес», «деньги», «статус» и подобные не имели ранее теоретической легитимности.

Исследования философского характера, посвященные понятию «успех», фактически отсутствуют. Рассуждения об успехе и успешности можно встретить в источниках ненаучного публицистического характера, например, в работах авторов, дающих рецепты достижения карьерного успеха, формирования личной эффективности, объясняющих различные образовательные практики или тренинги. В предлагаемых концепциях успех рассматривается как нечто самопонятное, полагающее установленные значения и смыслы. Изучение социального значения понимания успеха в американской традиции позволяет понять его концептуальную составляющую, выявить причины популяризации и возведения успеха в ранг национальной идеологии США. Следует отметить, что общим практи-

чески для всех работ является отсутствие авторского обращения к философско-антропологическим основаниям успеха. Успех рассматривается как понятие, которое определяют внешние маркеры: богатство, деньги, слава, признание и другое.

В отличие от американского прагматизма, русская философская традиция акцентирует внимание на внутренних, экзистенциальных факторах бытия человека. Среди представителей русской философии близкими по видению данных проблем в экзистенциальном ракурсе можно назвать Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Г. Флоровского. Среди современных российских авторов, которые обращаются к проблеме формирования человека успешного, Г.П. Щедровицкий, М.М. Мамардашвили, Г.И. Петрова и другие. Указанные авторы в качестве среды, в которой осуществляется становление человека, называют образование. Образование рассматривается не только как социальный институт, но, прежде всего, как форма человеческого бытия, продуцирующая человека успешного. В работах, посвященных проблемам управления, успех выступает в качестве стратегии и тактики управленческой деятельности организаций различного уровня. Особое значение имеют идеи М. Хайдеггера [10] относительно модуса «подлинного-неподлинного», в методологических рамках которого можно продуктивно осуществлять исследование успеха, и М. Шелера [11], который антропологически рассмотрел образование как форму человеческого бытия. Среди отечественных авторов идеи Н.А. Бердяева послужили основой для экзистенциального видения успеха.

На основе подхода к образованию как способу человеческого бытия, реализуемому посредством одноименного социального института, можно обосновать экзистенциальную социокультурную практику движения к успеху и становления «человека успешного». Если образование – это та среда и способ, которые способствуют изменению, трансформации, саморазворачиванию личности, то потребность в успехе – это стремление к самому себе как «Я-успешному». Экзистенциальный модус успеха как способ «бытия *собой*» не является актуальным для массового образования. Однако, через обращение к индивидуальным образовательным практикам, современным техникам заботы о себе можно обнаружить и активизировать модус подлинности, результатом чего становится изменение, трансформация – преображение субъекта. Экспликация культурно-исторических контекстов «американского» и «русского», позволяет выделить два противоположных видения успеха. Так, в аспекте онтологического статуса религии в повседневной практике американцев отличает прагматизм и инструментализм. Религия – руководство для экономического устройства жизни, а вера – средство для достижения успеха. Религиозность определяется тем, насколько хорошо выполнены социальные предписания, насколько человек реализован в профессиональной сфере. Причем, в американском

контексте важны индивидуальные достижения (Бог спрашивает с конкретного индивида) и отсутствует представление о коллективном успехе.

На этой идее строится социальное обоснование американского успеха. Американская демократия – это объединение автономных индивидов на основе равных прав («*equal opportunities*»), способствующей конституированию среднего класса («*middle class*»). Принадлежность к среднему классу обеспечивает как равенство стартовых позиций, так и путей в достижении успеха. Однако далеко не каждый избран богом и, следовательно, признан обществом, а лишь тот, кто добивается успеха. И поэтому общество оказывается структурированным на основании экономического показателя, на материальных критериях и рациональных механизмах успешности. Успех детерминирован внешними маркерами, такими, как деньги, слава, статус. Таким образом, для американского варианта характерно единство между представлениями об успехе и их реализацией на практике.

В противоположность этому русский человек разделяет профанную и сакральную сферы. Религия не может использоваться в прагматических целях, для русского она – та сфера, где он может быть другим, действительно духовным. А поскольку Бог «оценивает» по духовным, а не реальным устремлениям, то повседневная практика не ангажирована религиозными принципами. Поэтому, в социальной жизни, оказывается, нет мотивации быть преуспевающим. Наоборот, Бог любит больше убогих и несчастных. В России исторически сложилось демократической традиции. Строгая иерархия, жесткое деление на сословия, почитание авторитета во всех его проявлениях объективно создавали ситуацию ограниченных возможностей и непреодолимых трудностей в достижении успеха. Для русского человека государство выступало внешним фактором как некий тоталитет, противостоящий индивиду и осуществляющий непрерывный и непреложный надзор. Поэтому не была оправданной и постановка вопроса о социальном равенстве в путях достижения успеха. Единственной сферой реализации своего «Я» для русского человека неизбежно оказывалась его внутренняя, духовная жизнь, над которой государство не имело контроля. Этим можно объяснить и глубокую религиозность русского народа, и интерес, и углубление в экзистенциальные основания как единственные сферы, в которых человек ощущал себя свободным. Невозможность внешнего успеха русский человек компенсирует духовным богатством.

В отличие от желания американца рассчитать, распланировать собственную жизнь, получить гарантии реализации намеченного, для русского характерно устремление к бесконечному и умаление значения сегодняшнего момента жизни в настоящем. Поэтому странничество как состояние постоянного поиска, открытость миру представляет собой русский вариант творческой самореализации. Неуспокоенность, открытость, устремлен-

ность в будущее объясняет понимание успеха как иррационального — удачи. Нарушение правил, а не следование им — интуитивный способ достижения успеха в русском мировосприятии. Он контрастирует с рациональным, просчитанным путем к успеху у американцев, поэтому профессиональная сфера является определяющей для реализации успешности. Для русского человека его работа ценна не сама по себе, а лишь поскольку в ней присутствует духовное начало, служение людям. Общечеловеческая ответственность друг перед другом определяет успешность. Человек успешен постольку, поскольку все рядом успешны, и наоборот. Нет индивидуализма как отделенности, все ответственные за всех, а личность и общество в идеале представляют собой единое органичное целое. Таким образом, в русском культурном контексте не существует единства между экзистенциальным содержанием успеха и его внешней социальной проявленностью. Реальность являет униженность и оскорбленность русского народа, подавление личности обществом и государством.

Успех предполагает конкретную личность, обладающую экзистенцией. Поэтому для описания личности, которая квалифицируется как успешная, необходимо дополнение языка социальных категорий категориями экзистенциального характера. Данный подход позволяет выделить онтологический план понятия «успех» и рассматривать его как способ бытия в модусе «подлинного», то есть бытия «собой». Быть успешным — способ бытия подлинным. Понятие «подлинного» вводится М. Хайдеггером [10] как системообразующее для понимания и раскрытия специфики человеческого бытия. *Dasein* как универсальное понятие раскрывает инвариант существования человека в его возможности.

Потенциальность осуществления и проявления является определяющей характеристикой подлинности. В этом смысле характерно объяснение бытия через использование понятий *Dasman* как «наличествующее» в анонимности и усредненности и *Dasein* как «бытийное», то есть подлинно личностное и ответственное за свою «самость». «Вот-бытие», по сути, не обладает содержательными характеристиками, оно не есть «Что», полный перечень которого можно составить, но обозначает «Как» исполняется жизнедеятельность *Dasein*. Успешность аналогичным образом не может быть определена в содержательных терминах. Следует говорить не о «Что», составляющих успеха, но, скорее об успехе в глагольной или прилагательной форме «Как» свершения, модуса осуществления и реализации.

Бытие успешным как бытие подлинным предполагает обнаружение смыслов существования в ответственности «бытия собой» в каждой конкретной ситуации. В процессе свершаемых действий между двумя полюсами «успеха» и «неуспеха» осуществляется реальная жизнедеятельность — успешная (активный выбор себя) и неуспешная (пассивное восприятие). В приближении к тому

или другому полюсу определяется человек. Как указывает М. Хайдеггер, подлинность бытия не является отсутствием неподлинности, но пониманием *Dasein* своего выбора между этими полярными модусами, которые суть его собственные возможности [10. С. 210].

Неподлинность — не отсутствие подлинности, но только забвение вот-бытием этого выбора. Неподлинность не редуцируется, нельзя отказаться от своего собственного бытия. Но актуализация неподлинности в горизонте *Dasein* дает возможность осознания своей историчности, или временности. В результате происходит освобождение от чужих проектов и созидание своего собственного, подлинного. Существует выбор, или следовать только голосу своих желаний и не реагировать на мнение мира, или выполнять заказы общества, которые могут быть выгодными моделями существования. Возможно, при реализации себя должен функционировать принцип «неуничтожения моей подлинности миром».

Таким образом, анализ концепта подлинности аргументирует возможность его использования в качестве конституирующего для понимания природы успеха. В этом случае подлинность как внимательное экзистенциальное отношение к *своему* дополняется слышанием социального контекста. Успешный человек — тот, кто *до-спел* личностно и *у-спел* социально. В этом смысле успешен тот, кто убеждает мир в значимости своего жизненного проекта. Исходя из этого, можно утверждать, что природа успеха может быть рассмотрена в контексте образования, поскольку именно в образовании и средстами образования человек становится успешным. Посредством образования осуществляется становление, развитие личности, происходит разворачивание ее потенциала, раскрытие духовного начала. В образовательном способе бытия раскрывается человеческая экзистенция, вне контекста которой невозможно развитие человека вообще и его успешности, в частности. Поскольку жизнь человека выходит за рамки витальности, а включенность в образовательный процесс позволяет постоянно раздвигать человеческое пространство и выводить за пределы данности, то именно образование ухватывает сущностную составляющую человека — его развитие, трансцендирование как постоянное самопреодоление, выход за границы самого себя. Человек есть становление человеческого в человеке, образование самого себя. Поэтому образование и предстает как способ бытия, а сущностная способность человека к трансцендированию — как способность к образованию.

Образование, понимаемое как способ бытия человека, в реальной социальной действительности приобретает характер институции и является адекватной средой формирования и становления человека успешного. Социальный институт образования позволяет обнаружить индивидуальный потенциал человека и конвертировать его в реальную действительность. Его основная задача состоит

в актуализации человеческой подлинности, что только и может способствовать выбору успешного жизненного пути. Массовые образовательные практики ограничены в решении этой задачи. Экзистенциальный потенциал человека может быть развернут в индивидуальных образовательных практиках, когда за каждым человеком оставляется право на проявление (обнаружение) *своего* и на *свой* способ презентации (выражения) *своего*.

Ситуация, в которой сегодня находит себя человек, характеризуется постоянством движения и изменения, неопределенностью вектора развития, бездоминантностью культуры. Отсутствие внешней доминантной культурной идеи, которая прежде задавала перспективу развития, ставит человека перед выбором и необходимостью самоопределения. От того, какой человек и насколько успешно осуществляет собственную деятельность, зависит состояние культуры. Так актуализируется проблема техник самого человека, его заботы о себе. Постоянные изменения, на которые обречен современный человек, необходимость адаптации к ним предполагают готовность к ним, способность успевать за ними, опережать их, преуспевать. Успешным становится человек, озабоченный и способный осуществлять свой выбор, то есть задумывающийся о себе и понимающий себя.

Формирование рефлексивной способности является определяющей и конституирующей в техниках заботы о себе. М. Фуко рассматривает техники понимания себя как заботу о своей душе в отличие от техник подчинения, целью которых является «вписанность» человека в социум, «всеподнадзорность» [7. С. 132]. Забота о душе, о духовности индивидуальна и уникальна для каждого. Она выражается не только в познании духовного, но и в реальном изменении, преображении человека в результате познания и самопознания. Забота о себе является образовательным способом активизации успешности человека, находящегося в подлинном модусе бытия и стремящегося к социальному утверждению своего экзистенциального проекта. Именно принцип «озабочивания» собственным потенциалом есть стремление реального подтверждения и социальной значимости жизненного проекта. Забота как неуспокоенность достигнутым результатом, беспрестанное внимание к внутреннему и внешнему миру ориентирует на действенное, то есть продуктивное проживание собственной жизни.

По нашему мнению, именно активность индивида и система предпочтений, рождающая смыслы его бытия, выступают векторами, образующими структуру информационной матрицы образовательного процесса человека. Системообразующими основаниями, формирующими информационную матрицу образования, выступают аксиологи-

ческие основания (ценности, ценностные смыслы, цели), включающие рефлексию субъекта, и обуславливающие выбор действий индивидом. Выбор является одновременно процессом, деятельностью, результатом и выступает средством образования – ценностно-ориентированным, содержательным, предметным. Таким образом, чем шире образовательные действия опираются на внутреннюю сферу личности, тем выше результат образования (обучения, воспитания).

Решая собственные экзистенциальные задачи, человек образовывает себя в соответствии со своими потребностями, интересами, обстоятельствами, что отражается в информационной матрице образования как интенция стремлений человеческой сущности. В координате векторов «ценность – активность» созидательный тип самоопределения характеризуется проявлением перспективно-творческих смысложизненных ориентаций, и содержательный компонент мотивации отличает духовная направленность, что свидетельствует о преобладании творческих созидательных тенденций в мотивах над тенденциями к потребительству.

Потребительский тип самоопределения характеризуется проявлением ситуативно-перспективных смысложизненных ориентаций, содержательным компонентом мотивации которых является регрессивная, присваивающая направленность. Для регрессивного типа самоопределения, характеризующего профессионально-унифицированный смысл образования человека, характерны преимущественно ситуативные смысложизненные ориентации, с содержательной компонентой мотивации, отличающейся более плоской, примитивной направленностью. Стремление к высшему, более совершенному вырывает человека из оков обыденного существования, лишает самодовольства, ставит новые цели его бытия. В этот момент рождения нового уровня порядка возникают ситуации, при которых деятельность отдельного человека может быть в одном конкретном отношении масштабнее, шире и глубже, чем совокупная деятельность всего общества.

Применение техник заботы о себе не представляет собой альтернативу классическому образованию. По сути, забота о себе – это вариант самообразования, делание себя, то есть процесс, не предполагающий необходимость институционального вмешательства. Однако введение нового аспекта в современную систему образования практик заботы о себе может предоставить человеку возможности «пробовать» себя в различных ролях и перспективах в условиях постоянно меняющейся социальной ситуации. Техники заботы о себе создают возможность обнаружения подлинности, а их внедрение в современные образовательные практики способствуют активизации успешности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1994. – 448 с.
2. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – 255 с.
3. Мамардашвили М.К. Необходимость себя: введение в философию, докл., ст., филос. заметки / сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Лабиринт, 1996. – 430 с.
4. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та: Журн. «Нева», 1997. – 568 с.
5. Розин В. Об идеях педагогического дискурса и диспозитиве образования // Alma mater. – 2001. – № 11. – С. 3–9.
6. Степин В.С. Философия науки: общие проблемы. – М.: Гардарики, 2006. – 382 с.
7. Фуко М. Археология знания: пер. с фр. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 206 с.
8. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке. – М.: Политиздат, 1991. – С. 195–206.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
11. Шелер М. Формы знания и образование // Избранные произведения. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – С. 15–56.

Поступила 07.10.2011 г.

УДК 159.922.27

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ»

В.Ф. Жукова

Филиал Российского государственного университета в г. Сургуте
E-mail: rgsu-surgut@yandex.ru

Актуализируется проблема формирования понятия «психологическая готовность», приводится подробный аналитический обзор интерпретации понятия различными учеными, Существенный интерес для научного обсуждения представляют труды, в которых определяются уровни психической готовности личности к действиям, которые формируются у человека с помощью многофакторной психологической подготовки. Автор в процессе научного анализа предлагает свою трактовку понятия «психологическая готовность».

Ключевые слова:

Психологическая готовность, социально-психологические исследования, функциональная надежность психики.

Key words:

Psychological readiness, socially-psychological researches, functional reliability of mentality.

Концептуализация в системе психолого-педагогических наук в 80–90-х гг. XX в. понятия «готовность» способствовало его активному исследованию в отечественной психологии и педагогике, что обнаруживает ряд проблем теоретического и прикладного характера. При этом готовность изучается в плоскости разных теоретических и практических подходов. Так, ученые исследуют психологическую готовность; мотивационную готовность; морально-психологическую; профессиональную; моральную; профессионально-педагогическую готовность; просто «готовность» [1].

По мнению А.Ф. Линенко [2], явление готовности стало объектом специальных исследований середины XIX – начала XX в. Исследователь выделяет несколько этапов развития этого явления в психолого-педагогической науке. На первом этапе в середине XIX в. готовность изучается в связи с исследованием психических процессов человека. В этот период складывается понимание готовности как установки. На втором этапе, с начала XX в., готовность исследуется как феномен стойкости человека к внешним и внутренним влияниям. Это объясняется тем, что начались интенсивные исследования нейрофизиологических механизмов регуляции и саморегуляции поведения человека.

В этом ракурсе большое значение имеют исследования психологов США относительно социальной установки как состояния психонервной готовности.

С 1918 г. американские ученые теоретически обосновывали сущность социальной установки, обнаруживали основные признаки, структурные компоненты, а также пытались измерять их с помощью технических средств. Третий этап связан с исследованиями в области деятельности. В этот период явление готовности рассматривается в связи с эмоционально-волевым, интеллектуальным потенциалом личности относительно конкретного вида деятельности. Готовность характеризуется как качественный показатель саморегуляции на разных уровнях прохождения процессов, которыми определяется поведение человека: физиологическим, психическим, социальным [3. С. 22–24]. В 70-х гг. XX в. проблема готовности исследуется в связи с изучением педагогической деятельности, а о необходимости ее специальной разработки указывается в трудах К.М. Дурай-Новаковой, Г.С. Костюка, Н.В. Кузьминой, А.Г. Мороза, В.А. Сластенина [4], А.М. Щербакова и др.

На основе теоретико-методологического анализа проблемы исследования и обобщения его результатов нами установлено, что психологи в своих